

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ ДОМА РОМАНОВЫХ

Домики старой Москвы

*Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы.*

Марина Цветаева

Они прячутся в старых, кривых московских переулках. И там, величественные и жалкие, как состарившийся Казанова, греют на солнце свои колонны – облупившиеся белые колонны московских дворцов XVIII века... Зажатые между огромными домами, они выплывают из времени. Миражи. Сны наяву.

Ах, эти дома желтой охры, античный фриз на фронтоне – гирлянды, веночки, летящие гении, за толстыми стенами – прохладная темнота зала, полукруглые печи, чудом сохранившийся расписной потолок, и вековые деревья за оградой.

В дни молодости моей довелось мне жить в таком доме. И в долгие зимние вечера, когда так чудно падает снег и странно светят фонари, я любил сидеть в своем доме. Осторожно ставил я на стол тот шандал.

Как он попал ко мне?.. Как уцелел после всех пожаров, войн, революций и отчаянных скитаний несчастной семьи? Когда-нибудь я расскажу и эту историю. Когда-нибудь.

Старинный бронзовый шандал со свечой, загороженный маленьким белым экраном в бронзовой рамке, поставлен на столе.

Я погасил электрический свет, засветил свечу — и побежали по потолку, по стенам зала торопливые тени.

И проступило изображение на экране: у горящего камина на фоне высокого окна сидит молодая красавица. Неотрывно глядит она в небольшой серебряный таз, стоящий у ее ног. В тазу по воде плавают крохотные кораблики с зажженными свечами.

Это старинное венецианское гадание. В тот день она решила узнать свою судьбу. О, если бы она ее узнала!

Как я любил разглядывать ее лицо на старинном экране. Томно склонив головку с распущенными волосами, она глядит в серебряную воду. И плавают, плавают свечи на крохотных корабликах. И колеблется неверное пламя.

В эту женщину были влюблены самые блестящие люди века. Ее красоте завидовала Мария Антуанетта. И мечтательный гетман Огинский, и властительный немецкий государь князь Лимбург были у ее ног. Ей объяснялся в любви самый блестящий донжуан Франции — принц Лозен. И граф Алексей Орлов, самый блестящий донжуан России...

Тогда, в том доме, я собирал по крохам все, что осталось о ней.

И, читая полуистлевшие письма истлевших ее любовников, я шептал вслед за ними безумные слова: «Ваши глаза — центр мироздания», «Ваши губы — моя религия», «Ваши руки подобны плющу нежности». Уходят наши тела. Но страсть и любовь остаются.

И все чаще стало мерещиться мне.

Исчезал московский домик. Пропадал, тонул в снежной метели.

И видение Санкт-Петербурга: белая петербургская ночь, безжалостный золотой шпиль крепости. И кронштадтский рейд. И силуэты фрегатов в белой ночи.

Несколько точных дат

Самое неправдоподобное в этой истории, что это правда.

Джакомо Казанова

Кто не жил в XVIII веке — тот вообще не жил.

Талейран

В конце мая 1775 года пришла в Кронштадт из Средиземного моря русская военная эскадра. И хотя люди давно не были дома, никому не было позволено ступить на берег.

Из именного указа императрицы Екатерины Второй генерал-губернатору Санкт-Петербурга князю Александру Михайловичу Голицыну:

«Князь Александр Михайлович! Контр-адмирал Грейг, прибывший с эскадрой с ливорнского рейда, имеет на корабле своем под караулом ту женщину. Контр-адмиралу приказано без именного указа никому ее не отдавать. Моя воля: чтобы вы...»

24 мая 1775 года.

Была ночь, но во дворце генерал-губернатора Санкт-Петербурга князя Голицына не спали. Князь Александр Михайлович, грузный шестидесятилетний старик, сидел в своем кабинете. Перед ним навтыжку стоял молоденький офицерик — капитан Преображенского полка Александр Матвеевич Толстой.

Тучный князь тяжело поднялся с кресел, пошел к дверям. Распахнул двери: в маленькой комнате, у аналая с крестом и Евангелием ждал священник в полном облачении.

— Прими присягу, Александр Матвеевич, — обратился князь к капитану.

— Клянусь молчать вечно о том, что надлежит мне увидеть и исполнить, — звучал в тишине голос Толстого.

— И людей своих к присяге приведешь. И растолкуй им, что, коли хоть одна душа узнает, — наказание беспощадное. В Кронштадт поплывете ночью... И вернешься с нею в крепость тоже ночью... чтоб ни одна душа.

И князь обнял капитана:

— Ну, храни тебя Бог!

В ночь с 24-го на 25 мая 1775 года.

Яхта с капитаном Толстым и шестью преображенцами с потушенными огнями плыла из Петербурга в Кронштадт. На берегу и на судах, мирно качавшихся на якорях в устье Невы, давно спали.

Глубокой ночью подплыли к Кронштадту. Неслышно скользила яхта по военному рейду.

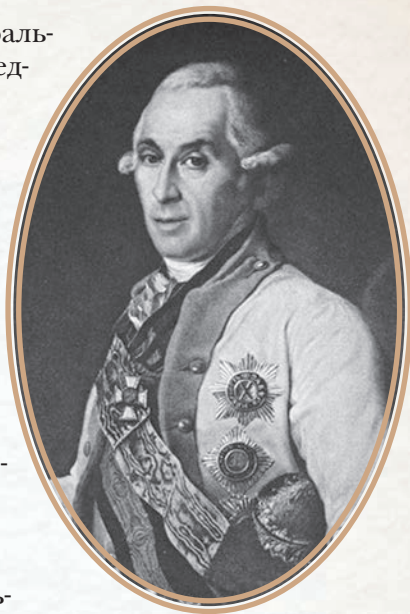
«Святослав». «Африка». «Не тронь меня». «Европа». «Саратов». «Гром». Стояли на рейде в ночи линейные корабли и фрегаты, залитые призрачным светом.

У шестидесятипушечного адмиральского судна «Три иерарха» яхта замедлила ход.

В каюте капитана Толстого уже ждал контр-адмирал Самуэль Карлович Грейг.

— Весь завтрашний день, капитан, вы и ваши люди проведете в каютах. — Грейг говорил по-французски: он был не так давно на русской службе и плохо владел русским. — Ни с кем из корабельной команды не видаться и не разговаривать. И только когда на корабле отойдут ко сну.

Ночь, 25 мая 1775 года.

На темную палубу вывели нескольких мужчин и двух женщин. Одна из женщин одета в черный плащ с капюшоном, глубоко надвинутым на лицо.

— Настоятельно прошу вас, госпожа, — обратился Грейг по-итальянски к женщине, — не открывать лица и не говорить ни с кем до прибытия в назначенное место. Непослушание только ухудшит ваше положение.

Не дослушав адмирала, женщина молча направилась к борту.

Ее усадили в покойное кресло и спустили вниз — на яхту. Адмирал почтительно помогал ей.

Дважды прозвенели куранты на Петропавловской крепости, когда яхта пристала к гранитным стенам.

В белой ночи на пристани темнела фигура в плаще и треуголке. Яхту

Самуэль Карлович Грейг.
Гравюра с картины неизвестного художника. XVIII в.

встречал сам хозяин крепости — Андрей Григорьевич Чернышев, генерал-майор и санкт-петербургский обер-комендант.

Женщина в черном плаще молча глядела на гранитные стены и беспощадный золотой шпиль...

Арестованных быстро размещали по казематам Алексеевского рavelина. Захлопывались двери камер, лязгали засовы.

И в крепости наступила тишина. Будто ничего и не произошло.

Комендант Чернышев торжественно ввел женщину в просторное помещение, состоявшее из трех светлых и, главное, сухих комнаток, что было большой редкостью в крепости, постоянно затоплявшейся Невой. Сие была его гордость — помещение для особо важных преступников.

Женщина сбросила капюшон — и бешено сверкнули ее раскосые глаза.

— По какой причине осмелились арестовать меня? — яростно выкрикнула она по-итальянски.

26 мая 1775 года, ранним утром, в своем кабинете за бюро с медальоном императрицы князь Александр Михайлович Голицын писал донесение:

«Всемиловейшая государыня! Известная женщина и свиты ее два поляка и слуги и одна служанка привезены и посажены сего дня в два часа поутру за караулом в приготовленные для них в Алексеевском рavelине места под ответ обер-коменданта генерал-майора Андрея Чернышева.»

Прошло два с лишним года.

В ночь на 5 декабря 1777 года в Санкт-Петербурге стояли лютые морозы.

В Петропавловской крепости куранты уже пробили полночь, когда из Алексеевского рavelина обер-комендант Чернышев и солдаты вынесли гроб.

Горели факелы. С трудом копали солдаты смерзшуюся землю.

— Копать веселее! — покрикивал комендант.

Все глубже, глубже яма.

Комендант осветил ее факелом, удовлетворенно кивнул. Солдаты опустили гроб и торопливо забросали мерзлой землей.

На рассвете 5 декабря пошел густой снег. Мело, мело по мерзлой земле.

Из рапорта Санкт-Петербургского обер-коменданта генерал-майора Андрея Чернышева:

«...Означенная женщина волею Божьей умре... А пятого числа в том же Алексеевском равелине той же командой, при ней в карауле состоявшей, была похоронена. По объявлении присяги о строжайшем сохранении сей тайны.»

Снежная метель разыгралась над Петербургом. Все потонуло в этой метели: дворцы, крепость. И могила.

И к утру не осталось никаких следов — только белое поле у Алексеевского равелина.

Действующие лица: «Орлов со шрамом»

*Я не поручил бы ему ни жены,
ни дочери, но я мог бы совершить
с ним великие дела.*

Граф Федор Головкин

ПОРТРЕТЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

Прошло ровно тридцать лет. 5 декабря 1807 года. В Москве, во дворце графа Алексея Григорьевича Орлова в Нескучном, всегда в воскресенье, ждали песельников да плясунов.

По бесконечной анфиладе дворца движется согнутая фигура — чудовищная огромная гнутая спина в шитом золотом камзоле. Тяжелый стук медленных старческих шагов.

Золотая спина шествует мимо портрета в великолепной раме.

На портрете изображен молодой красавец, увешанный орденами, в Андреевской ленте через плечо, на фоне горящих кораблей. Это

сам хозяин дворца граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский в молодые годы. Герой, победитель турок в морском сражении в Чесменской бухте, где перестал существовать турецкий флот.

Горят, горят корабли на портрете...

Именно тогда, в 1770 году, французский посол докладывал из Петербурга: «Алексей Орлов — глава партии, возведшей на престол Екатерину. Его брат Григорий — любовник императрицы, он очень красивый мужчина, но, по слухам, простодушен и глуп... Алексей Орлов сейчас самое важное лицо в России. Екатерина его почитает, боится и любит. В нем можно видеть подлинного властелина России».

*Алексей Григорьевич Орлов.
Неизвестный художник. XVIII в.*

Тяжелый стук медленных старческих шагов по анфиладе дворца...

Но это все в прошлом. Нынче графу за семьдесят — и он мирно доживает свой век в Москве, вот уж который год изумляя Первопрестольную безудержным, буйным разгулом...

На Масленой граф со свитой — неперменный зритель кулачных боев между воспитанниками Славяно-греческой академии и университетскими...

С превеликим удовольствием наблюдает Его сиятельство, как с дикими криками, гиканьем сходятся молодые парни в кулачном бою на ледяных горах у кремлевской стены (горы заливали на месте нынешнего Александровского сада).

Когда граф был помоложе, то и сам участвовал...

Ох, как страшились дерущиеся, когда в толпе страшно возникала исполинская фигура! И яростно бросалась в общую потасовку. «В воскресенье, перед дворцом в Нескучном, граф неизменно устраивает бега своих знаменитых рысаков...»

И мчатся по снежной дороге дивные кони... И пляшут перед дворцом столь любимые Его сиятельством скоморохи да песельники... Потешные драки в снегу между шутами и скоморохами непременно сопровождаются милостивым старческим смехом. «Изволили смеяться...»

Как справедливо сказал о графе поэт: «Дыша всем русским, он до страсти любил отечественные развлечения...»

И сегодня, в солнечный морозный день, в доме графа, как всегда, готовились к веселью — ждали троек со скоморохами и цыганами. И граф тоже готовился...

Все ближе тяжелые шаги по роскошной анфиладе. Испуганные лица лакеев.

Громадная согнутая спина в золотом камзоле повернулась — и на фоне портрета молодого красавца возникло изборожденное морщинами, обрюзгшее лицо старика в парике. Слуга в дверях дрожащими руками аккуратно положил кисточкой пудру на его парик.

И старый граф продолжал свое шествие по анфиладе.

